

Т. Е. Титовец,

заведующий сектором методологии и теории педагогического образования Центра развития педагогического образования БГПУ,
кандидат педагогических наук

Магистратура: потерянный год или открытие себя?

«Бенефис» блистательных педагогов

Магистратура как относительно новое явление в высшем образовании воспринимается выпускниками университетов по-разному. Для некоторых — это надежный мостик в аспирантуру, который благодаря сдаче кандидатских экзаменов ставит магистра в защищенную позицию при поступлении на более высокую ступень образования. Для приезжих — это шанс задержаться в столице. А те, кто пока еще не нашел свою профессиональную нишу, хватаются за магистратуру как дополнительную «минуту» на раздумье. Со стороны может показаться, что магистратура — действительно, потерянный год, как его называют прагматики. Делая магистратуру виновником опоздания на год в карьере, они обесценивают другую, гораздо более важную единицу измерения — личностный рост. Что дает магистратура человеку в его личностном развитии и высока ли цена трехсот шестидесяти пяти дней за такую динамику — вот в чем вопрос.

Хронология моих воспоминаний о магистратуре Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка начинается с первой лекции, когда в аудиторию вошла преподаватель педагогики высшей школы профессор Р. С. Пионова. В черной мантии, которую она умышленно надела для торжественного открытия нашей магистерской подготовки, с подчеркнутым уважением к слушателям, Римма Сергеевна искусно воссоздала атмосферу классического университета и незаметно внушила нам, что магистратура — это не шестой год студенчества, а новая ступень мышления, на которую, однако, не так просто подняться. И она оказалась права.

Вначале по старой привычке я занимала последнюю парту, чтобы разделить безмятежное студенческое счастье с такими же веселыми молодыми людьми с других факультетов, которых занесло разными «течениями» в магистратуру. Но высокая культура преподавания, артистизм, демократизм общения, удивительно сочетающихся с глубиной мысли преподавателей, вскоре заставили нас позабыть о захваченных на занятия журналах мод или непроверенных тетрадях своих «первенцев».

Не побоюсь теперь признаться, что на протяжении всей учебы мы отождествляли изучаемые дисциплины с

разными видами театрального искусства и потому спешили занять принадлежащие нам по праву места поближе к сцене. Так, психология высшей школы, которую читал профессор Л. А. Кандыбович, напоминала *чеховский художественный театр*. С А. П. Чеховым их роднила проблематика содержания: погружение в красоту межличностного общения, особенности юношеской природы и alma mater как культуротворческой среды.

Информационные технологии, мастерски представленные доцентами Э. М. Кравчеченей и Г. А. Заборовским, отложились в моем сознании под условным названием *театр «Христофор»*, которое не требует дальнейших комментариев. Но самым удивительным было то, что работа с компьютером, который стал восприниматься как живое существо, пропитала нас насковзь важнейшей методологической идеей о ... творческой сущности человека. Еще бы! После всех героических побед, которые мы одержали над упрямой машиной, заставляя ее совершать трюки, не предусмотренные программами, пророчество Риммы Сергеевны начало сбываться: обманывая компьютер, мы научились нестандартно мыслить.

«Христофор» сменился *театром одного актера* в лице профессора О. С. Тернового, преподававшего курс философии. Искусство перевоплощения в разные образы, умение выстроить хаотичные представления о бытии в упорядоченную систему заставили меня всей душой полюбить методологию как науку. Его лекции начались поздно, когда была сдана на рецензию магистерская диссертация. Но уже после первых трех занятий я была вынуждена вернуть ее обратно, чтобы поспешной рукой переписать целые страницы. И в диссертации заиграла системность, а отдаленная ранее от философии педагогика теперь приобрела для меня глубокий методологический смысл. Как оказалось, такое прозрение коснулось не только меня. Магистранты разных специальностей выстраивались в очередь у стола Олега Сергеевича, чтобы убедиться в правильности философского основания своей научной проблемы, будь это геология, психология или биология. А Олег Сергеевич со свойственным ему артистизмом разыграл очередную миниатюру: «Нет, все что

угодно, только не заставляйте меня искать методологию у жуков!»

Показательно и то, что вся наша группа, в которой не было ни одного магистранта историко-философской кафедры, явилась почти в полном составе на международную конференцию по политологии, в программу которой был включен доклад полюбившегося нам профессора. Трудно сказать, что руководило мною и моими одногруппниками, когда мы охотно принесли собственные занятия с учениками и студентами в жертву конференции по чужеродной нам политологической тематике: желание поддержать родного преподавателя или испытать взрыв адреналина от его выступления.

Театр балета, где символика жизни питает устремления души,— это, безусловно, культурология, которую вел профессор А. В. Рагуля. Когда я вспоминаю его занятия, перед глазами сразу возникает репродукция картины Ивана Шишкина, изображающая проселочную дорогу, которая теряется в золотистых колосьях необъятного ржаного поля. Крепко сжимая в руке репродукцию, Алексей Владимирович впервые обратил наше внимание на три сосны на дальнем плане, в которых и таился философский замысел художника. Три оставленные человеком сосны среди поля, потерявшие свое величие под беспощадными лучами палящего солнца, олицетворяли будущее. И, глядя с откровенным ужасом на последнюю сосну, которая остроконечным обручком ствола прокалывала небосвод, я поймала себя на мысли, что раньше меня не учили читать и понимать искусство: я неоднократно видела эту репродукцию и прежде, безошибочно узнавала десятки пейзажей различных художественных стилей и эпох, но при этом никогда не задумывалась, почему крайняя сосна лишена пушистой кроны, почему живописная река выразительной диагональю отделяет оживленный город от острова с храмом, а извилистая тропинка теряется в глуши. Почему образ жертвы на картинах Михаила Савицкого не несет в себе печать телесной боли и страданий, как на итальянских полотнах эпохи маньеризма? На занятиях А. В. Рагули образы-символы в культуре, живописи и литературе переосмысливались через призму их отнесенности к вечным вопросам бытия, ответы на которые мы ищем до сих пор.

Горячее вдохновение, с которым Алексей Владимирович погружал нас в мир красоты и истины, передавалось и мне. В моей профессиональной деятельности преподавания английского языка репродукции картин стали неотъемлемой частью работы со студентами, ибо в каждой учебной теме содержатся вопросы смысла человеческой жизни, нравственного выбора, законов бытия и Космоса.

Так, кочуя по разным дисциплинам, побывав зрителем и участником воодушевленных представлений разных преподавателей, мы постепенно собрали калейдоскоп новых знаний, которые по своей глубине и уровню обобщений качественно превосходили интеллектуальный багаж, полученный на студенческой скамье. Собрать воедино кусочки этого мировоззренческого кол-

лажа и придать им личностный смысл помогла «Философия образования», преподаваемая Klarой Всеволодовной Гавриловец. Нам, слегка утомленным от разношерстных впечатлений, не хватало именно такого интегрированного курса, в котором, подобно *восточному театру*, сливаются музыка, слово и движение души, сливаются в неделимую целостность и гармонию исполнитель с самим собой. И мы обратили взор на Восток, словно в ожидании увидеть там отблески рассвета.

«Философия образования» осталась в памяти как философия природы человека, философия радости и смысла нашего бытия. Казалось, в этом и таилось ее великое призвание: оживить сложнейшую абстрактную идею педагогической антропологии, вдохнув в нее духовное начало и наполнив всеми красками человеческих чувств. И в этом непостижимом синтезе разума и духа рождалось осознание того, как тонко переплетены в человеческой природе нравственность, творчество и способность к любви. Как только мы открывали такие связи, обнаруженная целостность становилась откровением.

Помню, как на одном из занятий мы изучали этапы и механизмы духовного роста личности. Иллюстрируя его третий этап, Клара Всеволодовна предложила нам поразмышлять над сюжетом притчи.

Учитель обратился к своим ученикам с вопросом: «По каким признакам можно установить, что наступил рассвет?» Один ученик сказал: «Когда можно по очертаниям кроны определить породу дерева». Учитель отрицательно покачал головой. «Когда можно издали отличить собаку от волчицы», — предположил другой. И этот ответ оказался неверным. «Рассвет наступает тогда, — сказал Учитель, — когда человек в идущем ему навстречу человеке видит брата. А до тех пор, пока этого не происходит, сохраняется тьма».

Какую-то минуту в аудитории царила полная тишина. Разбуженное яркими образами чувство прекрасного и возвышенного захватило каждого из нас, и мы мысленно спрашивали себя: «А на какой же ступеньке эволюции духа нахожусь я?» И так было всегда, на каждом занятии по философии образования. Любая тема незаметно прокрадывалась в наше сознание, чтобы несколько секунд спустя после случайно уроненной Klarой Всеволодовной паузы взорваться возбужденным шепотом магистрантов между собой, которые оказывались не в силах удержать в себе очередное открытие собственного «я».

Как ни странно, я не помню окончания таких занятий, хотя отчетливо помню диалог с самой собой и голос своего озарения в те драгоценные секунды тишины, которые тогда казались мне случайностью. И еще в памяти осталось ощущение необъяснимого рвения души, когда после занятий хотелось как можно быстрее воплотить свои открытия в ЖИЗНЬ, поделиться ими с людьми, рассказать своим же студентам о том, как при новом свете меняются очертания знакомых предметов, привычных в полумраке, как очаровательны их новые грани, которые становятся заметными в отблесках приближающегося рассвета...